

ВЕРА, ВНУЧКА ТОЛСТОГО

Много неизвестного рассказывает она читателям «Труда» о знаменитом семействе

НА ТРАДИЦИОННОМ пасхальном приеме в доме настоятеля кафедрального Свято-Николаевского собора Православной церкви в Америке отца Дмитрия его милейшая супруга матушка Галина после христосования сказала мне:

— Сейчас я вас познакомлю с замечательно умной женщиной. Пойдемте сразу, а то она, к сожалению, уже не первой молодости, устанет и уедет.

И подвела меня сквозь плотную массу гостей к пожилой, очень элегантной леди. Нежного брусничного цвета замшевый костюм, прекрасно уложенные седые волосы, множество старинных перстней на выдающихся возраст пальцах. Это первое впечатление, а потом видишь только одно — молодые, искрящиеся умом, добротой, юмором карие глаза. А рука с перстнями оказалась крепкая, пожатие не вялое, старческое, равнодушное — энергичное, почти мужское. Расспросить ее — Веру Ильиничну Толстую, внучку гения литературы, в тот вечер не удалось, наоборот, это она меня засыпала вопросами: оставалось несколько дней до нашего референдума, и моя собеседница старалась вникнуть во все детали, обнаружившись поразительную осведомленность в российских делах. Поразительную и вообще, и для своего возраста. Она ведь чуть ли не с первых слов объявила:

— Милый вы мой, мне же, слава Богу, уже восемьдесят девять...

Мы условились встретиться в более спокойной обстановке и уж тогда поговорить обо всем подробно. Я получил приглашение навестить ее в доме давней ее подруги Тани. У нее она останавливается, приезжая из Флориды, где поселилась после ухода на пенсию с радиостанции «Голос Америки».

Когда несколько дней спустя я вошел в этот коттедж на тихой зеленой улице в северном пригороде столицы, меня почему-то прежде всего усадили перед телевизором. «Смотрите, смотрите», сказала аристократичная хозяйка, — сейчас вы увидите Веру». Это была какая-то семейная вечеринка, снятая видеокамерой, и через минуту я не только увидел, но и услышал Веру Ильиничну — она, аккомпанируя себе, пела старинный русский романс. И как пела!

— Это меня записали пять лет назад, — весело поблескивая глазами, сказала она. — Но вообще-то я ведь много лет пела в «Шехерезаде» — лучшем в то время парижском ресторане. А до того — с цыганами...

Мог ли Лев Николаевич, создавая незабываемые цыганские сцены в «Живом труппе», предполагать, что его любимой внучке Верочке придется зарабатывать на пропитание — именно на пропитание — вместе с бежавшими из России романами. А вместо роля, на котором ее учили музицировать дома и в московском Александровском институте благородных девиц, осваивать аккордеон. С ним она, между прочим, и приплыла в Нью-Йорк в 1949 году по приглашению сест-

ры своего отца Александры Львовны, основательницы «Толстовского фонда». Иммиграционный чиновник хотел отобрать у нее дорогой немецкий инструмент — решил, что русская привезла его на продажу. Пришлось доказывать, что умеет на нем играть. А на пароходе были какие-то импресарио, которые тут же предложили музыкантше-графине контракт. Она было обрадовалась — вот и работа. Но тетушка твердо сказала: никаких кабаке, хватит. И устроила Веру для начала воспитательницей в богатую семью — она же знала основные европейские языки.

Но до всего этого нужно было еще дожить, а сложилась судьба менее удачно, могла внучка Льва Николаевича и погибнуть на родимой стороне — как ее братья. Так бы оно скорее всего и случилось, если бы не брат Андрей, штаб-ротмистр лейб-гвардии драгунского полка, вернувшийся с развалившегося из-за большевистской агитации фронта с тремя Георгиевскими крестами и золотым оружием, служив в полковой разведке. Старшим среди пяти братьев был Михаил, попавший в германский плен, но после нескольких неудачных попыток сумевший бежать, однако «самым толковым и волевым, хорошим организатором», как вспоминает Вера Ильинична, был Андрей, остальные подчинялись его авторитету. Она тогда еще не знала, что отец бросил их, уехал в Америку с другой женщиной.

Пока мировая война не переросла в России в гражданскую, мать ее, из знатного рода Философовых, работала в Союзе земств. В этой связи Вера Ильинична вспоминала, как мать, чтобы не оставлять ее одну в смутное время в Мансурове (их имение под Калугой), взяла с собой на съезд уполномоченных союза в Минск. Там они встретили еще одного графа Толстого — Алексея Николаевича, писателя, будущего автора «Хождения по мукам».

— Ну, знаете, — с брезгливым выражением машет она рукой, — это тот, что со Сталиным дружил, его «красный граф» называли. А в нем ни капли графской крови нет, это потом придумали, а мы-то знали, что он — Бострем. В семье графа Толстого, самарского, жил такой учитель, из шведов. Стал любовником графини, и она с ним убежала. Родился сын — вот этот самый Алексей, а у них денег ни гроша. Граф был человек благородный, сказал: отдайте мне его, я по крайней мере дам ему хорошее образование. И усыновил незаконнорожденного, как это тогда называлось.

А продолжение этой истории я уже тут увидела. Приезжает женщина, называющая себя Татьяной Толстой, — кажется, она тут в каком-то университете преподает, — и начинает утверждать, что она внучатая племянница Льва Николаевича и что ей, видите ли, передался по наследству его талант. Что-то в этом духе. Ну, я возмути-

лась, написала по этому поводу письмо в газету «Нью-Йорк таймс». Мало того что она вообще никакая не Толстая, а Бострем. Ведь те Толстые, самарские, никакого отношения к нашей ветви не имеют, это совершенно разные роды. Есть ведь еще Толстые-Милославские, которые, может быть, родовете нас, но тоже — даже не дальняя родня Льву Николаевичу. Имеете в виду, нас, настоящих Толстых в третьем поколении, в Америке всего двое — я, старшая, и Петр Михайлович, сын Михаила Львовича. У нас сыновья, оба — Сережи. Остальные лишь выдают себя за Толстых. Имя Льва Николаевича — это возможность делать деньги, для того им и злоупотребляют...

САМА она всю жизнь работала — с тех самых пор, как бегство от большевиков привело ее через Новочеркасск и Новороссийск сначала в Константинополь, потом в Вену и Прагу. Нужно было помогать совершенно не приспособленной к такой жизни матери, а потом растить сына — брак ее оказался неудачным, даже трагическим. Уехать из Москвы и с матерью и верной няней Ольгой удалось только в конце 1919 года. Так что сполна пережили все — ночные обыски, голод, холод. Братья скрывались в других местах первопрестольной, а когда Андрей наконец сумел отправить женщин в Харьков, сами они, разумеется, подались в белую армию. Илья, мичман, окончивший Морской корпус, пробрался к Колчаку, остальные двинулись на юг.

И сгинули в круговерти гражданской войны, не о всех даже точно известно, где и как сложили головы. Михаила, старшего, похоронили в Новочеркасске. Андрей, командовавший сводным гвардейским полком у Врангеля, погиб в Крыму.

— Вы знаете, — как бы не веря самой себе, качая головой Вера Ильинична, — никто ведь не верил, что все это безобразие надолго. Опомнится Россия и страшнет это наваждение. Один Андрей нам говорил: не ждите, это не скоро минует. Он видел на фронте, как убивают офицеров, как солдаты пьянеют от обещаний большевиков — и землю им, и свободу, и мир, и что хотите. И Андрей говорил: их обманут, но сейчас против этого бороться бесполезно. Сам пошел бороться, потому что у него другого пути не было — боевой офицер, гвардеец, очень гордый человек. Деникин хотел присвоить ему следующий чин, а он ответил: «Государь произвел меня в штаб-ротмистры, им я и умру». Сам себе предрек судьбу...

Вера Ильинична говорит, рассказывает, а я не перестаю поражаться ясности ее ума и памяти, которая хранит столько мельчайших подробностей — как никак скоро девяносто исполнится. Это сколько же десятилетий минуло, две мировые войны, новая Россия народилась, а она — мы сидим у большого стола за чашкой чая — показывает:

— ...Вот так мама сидит, вот так я, дальше — тетя Таня, затем Софья Андреевна и Лев Николаевич. А вот здесь его личный врач Маковицкий, которого

мы звали Душанчик. Дедушка, конечно, очень уже стар был и нездоров, спрашивает маму: «Соня, это ты? Ты Илюшина жена?» Потом мы ему с тетей Таней пели «Люблю я цветы полевые, Анютины глазки твои». Не знаю, когда мы с мамой приехали в Ясную Поляну, но в московском музее висел снимок — я у деда на коленях, мне тогда семь лет было. И сказано: Софья Николаевна Толстая с дочерью Верочкой посетила Ясную Поляну 11 октября 1910 года — то есть за несколько дней до ухода Льва Николаевича. Он ушел 28 октября.

Вера Ильинична не осуждает деда, но и не считает в чем-то виноватой бабушку Софью. Я пишу не трактат о философии Толстого и не биографию этого самого совестливого из людей, поэтому не стану приводить весь ход рассуждений его внучки. У которой до сих пор сердце болит за то, что случилось в том далеком году, да и прежде случилось: она помнит, как дед покинул дом еще в 1884 году. «Представляете, тетя Саша родилась, а он ушел. Сколько же пришлось перестрадать моей бабушке! Он был очень сложный и нелегкий человек. Но и его надо понять: ему же все время твердили, что, мол, говоришь ты одно, а живешь по-другому, как барин. А как ему было жить, такому больному, бабушка же его в вате держала, его же беречь нужно было постоянно».

Есть какие-то общеизвестные вещи, а память Веры Ильиничны хранит нечто такое, что никто, кроме нее, знать не может. Например, о том, как Толстой приехал во время голода к ним в имение, выделенное ее отцу в Чернавинском уезде Тульской губернии, — организовывал столовые для голодающих. Верочки тогда на свете еще не было, ей об этом рассказывала мать, которая очень беспокоилась, как она будет кормить Льва Николаевича — ему требовалась особая диета. Но пришла телеграмма от бабушки: «Следующим поездом встречайте Семена Николаевича». Это повар, специально готовивший для деда. Семен Николаевич все дни пребывания Толстого у сына тайно жил в усадьбе, готовил, а Лев Николаевич нахваливал Софью Николаевну за кулинарное мастерство, с которым для него варили бесконечные овсяные каши и так далее. «Кулинарка» краснела и бледнела, но тайну не выдала.

СЛУШАЮ ее и думаю: какая жалость, что Вера Ильинична сама о себе не написала. Столько довелось ей пережить и хорошего, и значительно больше горького, что хватило бы на книгу интереснее и, главное, достовернее, чем то, что написал о ее поколении столь нелюбимый ею, как, впрочем, и всеми эмигрантами, «красный граф». Она каким-то чудом, в сыпняке, попала на последний пароход, уходивший из Новороссийска. В скитаниях приобрела профессию массажистки лица, проявила в этом деле такие способности, что из

Праги ее пригласили в Париж. Работала в знаменитой косметической фирме, с которой пришлось расстаться не по своей воле — не хочу углубляться в эту историю о людской подлости. Спасибо, что был голос, что с детства учили петь и играть на фортепьяно, это и спасло — надеялась только на себя. Приходилось ведь иным графам в Париже и такси водить.

Кое-как перебежала войну и немецкую оккупацию — уезжать было некуда и не на что, а просить кого-то гордиться не позволяла. Но через три года после окончания второй мировой войны она вдруг испугалась, что грядет третья.

— Вы мне поверьте, страх охватил: опять могут прийти большевики. Так все нагнеталось, что мне стало казаться: Сталин возьмет и захватит всю Европу — кто ему помешает? Второй раз я такого пережить не хотела. Написала тете Саше умоляющее письмо: заберите меня в Америку. Она, конечно, тут же ответила: приезжай. Вот так я и стала американкой. Живу на пенсию, других доходов нет, но я не жалуясь. Все-таки есть на свете высшая справедливость: могла никогда больше и не увидеть Москву и Ясную Поляну, а ведь увидела, была там весной девяносто первого — тогда все мы, разбросанные по свету Толстые, собрались дома. Москва, которую я помнила, была совсем другой — чистой, светлой, какой-то праздничной, и то, что я увидела, очень меня удручило. Но были и другие вещи, которые обнадеживали, что теперь-то Россия на пути к выздоровлению. Племянники, живущие в Москве, говорили, что народ устал от коммунистов, измучился под их властью — да я и сама это знала, сама чувствовала. Потом вдруг — путч. Слава Богу, не удалось им. Мало им, что привели к такому ужасу, к нищете самую богатую страну, еще хотели покуражиться. Вы не обращайте внимания на мои слезы, я не могу говорить о России спокойно, стара стала. И не могу понять этих людей, которые ходят с портретами Ленина — Сталина, это какие-то нездоровые люди... Я молюсь за Ельцина, он настоящий русский человек, и я думаю, что он себе личной выгоды не ищет, он — за народ, дай ему Бог здоровья и сил. Я прошу Господа, чтобы он смилостивился над нашей страной, над нашим народом, даровал ему нормальную жизнь, как у всех людей. Если был он грешен, то давно свой грех испустил нечеловеческими муками...

Вера Ильинична, мудрая вы и добрая женщина, пусть Господь будет милостив и к вам, пусть продлит вашу жизнь на радость всем, кто вас знает. Вы это тоже заслужили своими хождениями по мукам.

Виссарион СИСНЁВ,
соб. корр. «Труда».

ВАШИНГТОН.